

УДК 323.2

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/109/59>

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

©Кедейбаева Ж. А., SPIN-код: 4157-0126, д-р филос. наук,
Ошский технологический университет, г. Ош, Кыргызстан

©Маматова А. Б., ORCID: 0000-0002-5738-7213, SPIN-код: 6355-7831, канд. истор. наук,
Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан

©Кубатбекова Н. К., Ошский технологический университет, г. Ош, Кыргызстан

SPIRITUAL SECURITY AS AN OBJECT OF SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

©Kedeibaeva Zh., SPIN code: 4157-0126, Doctor of Philosophy. sciences,
Osh Technological University, Osh, Kyrgyzstan

©Mamatova A., ORCID: 0000-0002-5738-7213, SPIN code: 6355-7831,
Ph.D, Osh State University, Osh, Kyrgyzstan

©Kubatbekova N., Osh Technological University, Osh, Kyrgyzstan

Аннотация. Рассматривается проблема понимания духовной безопасности. Проблема формирования духовных ценностей современной молодежи чрезвычайно важна в наше время. Духовная безопасность фактически не подвергалась философскому анализу, в то время как национальная безопасность часто попадает в поле зрения философов, особенно в последние десятилетия в связи со значительным усилением борьбы множества современных государств за различного рода ресурсы – природные и человеческие.

Abstract. The article deals with the problem of understanding spiritual security. The problem of the formation of spiritual values of modern youth is extremely important in our time. Spiritual security has not actually been subjected to philosophical analysis, while national security often comes to the attention of philosophers, especially in recent decades due to the significant intensification of the struggle of many modern states for various kinds of resources—natural and human.

Ключевые слова: общество, человечество, материальные ценности, глобализация, молодежь, культура, безопасность общества.

Keywords: society, humanity, material values, globalization, youth, culture, public safety.

В условиях жизнедеятельности в XXI Современные технологии стали неотъемлемой частью жизни не только отдельно взятого человека, но и всего общества в целом. Сегодня мир меняется с каждым днем, а вместе с ним изменяется и человечество и его мировоззрение. Человечество открыло новую страницу истории, где на передовую выходят материальные и технические ценности, а такие вещи как мораль, вера, любовь и мир отходят на задний план. В глобализации человека отождествляют с массовой компьютеризацией и вооружением, клонированием, развитием терроризма, материальным обогащением и жадной власти. Человечество обуславливает такое существование ценностей, где наивысшей выступает та, которая определяет смысл жизни личности, всю мотивацию ее существования. Проблема формирования духовных ценностей современной молодежи чрезвычайно важна в наше время. В сегодняшних условиях молодежь выступает движущей

силой политических изменений и в зависимости от того, какие ценности она вносит в эти изменения, какую культуру внедряет и будет зависеть будущее общества, его культура, направление трансформации. Сложилась ситуация, когда свойственные молодежи в сфере духовной жизни индивидуалистические ценности готовят почву для новых идеологий и социокультурных общностей. В связи с этим современные исследователи подчеркивают необходимость обращения внимания на проблему формирования духовной культуры общества и духовную безопасность молодежи. Очевидно, что основным как в духовной, так и национальной безопасности является безопасность, и по этой причине необходимо совершить небольшой исторический экскурс, связанный с тем, как эволюционировало само понятие безопасности. Духовная безопасность фактически не подвергалась философскому анализу, в то время как национальная безопасность часто попадает в поле зрения философов, особенно в последние десятилетия в связи со значительным усилением борьбы множества современных государств за различного рода ресурсы – природные и человеческие [1-3].

Часто «безопасность» определяется просто как защищенность (состояние защищенности) жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом под интересами понимается, как правило, просто совокупность потребностей. Далее, начинают говорить о видах безопасности, которых, бывает, не один десяток. Затем речь идет об угрозах, тоже выделяемых в большом количестве. При этом в работах, посвященных теме безопасности, бросается в глаза отсутствие обоснования введения тех или иных «видов» и «угрозы», и «безопасности», и «интереса». Значительная часть публикаций в области теории безопасности, можно сказать, описывает свой предмет на уровне поверхности. Теория национальной и, соответственно, духовной безопасности, как и любая другая теория, не может не опираться на классическую философскую культуру, на основные достижения ее, служащие всегда и везде мирозерцательной и методологической основой в любой сфере человеческой деятельности.

Описание безопасности в терминах «угроза», «вызов» — это, по сути, психологическое описание. Угроза, вызов – суть ощущение, восприятие субъектом сложившихся условий его существования, условий его самореализации. Ощущению, восприятию практически ничего нельзя рациональным образом противопоставить: субъект воспринимает ситуацию именно так — и все. Одни и те же условия разные субъекты могут воспринимать по-разному: один – как угрозу, опасность, вызов, другой — как отсутствие таковых.

На Западе принято считать, что термин «безопасность» начал применяться там с начала XI века. Он означал изначально спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако в этом значении он не вошел прочно в лексику и использовался до XVII века редко. Сравнительно редкое применение на протяжении почти 6 веков термина «безопасность» объясняется тем, что до середины XVII века говорить о безопасности нации или общества отдельно от безопасности государства еще не представлялось возможным, поскольку земли, на которой жили народы, легко переходили от одного хозяина к другому (от короля к королю, от герцога к королю и т.д.) в виде частного владения (проданного, компенсации, приданого и т.д.). Понимание условий безопасности личности существовало еще в условиях античного общества. Немало различных мыслей о проблемах безопасности личности, общества и государства можно найти в учениях Пифагора, Аристотеля, Платона. Однако учения этих древних мыслителей не предлагали конкретных средств для достижения безопасности как личности, так и общества в целом. В их рабовладельческом обществе существовало достаточно специфичное представление о равенстве людей и о том союзе равных, который, по их убеждению, возможен только при

наличии государства, одинаково всех охраняющего и обеспечивающего всех одинаковыми условиями безопасности.

Второй этап. В XIII–XVIII вв. государства (т.е. феодальные суверены и поздние абсолютистские монархии) признают важность условий безопасности для своих стран и проживающих в них людей. В европейских странах создается множество государственных органов обеспечения безопасности. На этом этапе зарождаются взгляды и теоретические представления о роли специальных государственных служб в лице полиции, жандармерии и т.д., основной задачей которых является обоснование комплекса мер, обеспечивающих безопасность граждан, общества в целом и государства. В XV в. Николо Маккиавелли представил государство как самостоятельный институт, отделенный от церкви. Английский мыслитель Томас Мор в XVI в. представил модель идеального государства, призванного служить всему обществу — в известном труде «Остров Утопия».

Третий этап. По учению Адама Смита, вся государственная деятельность должна направляться исключительно на защиту внешней и внутренней безопасности, а в сфере хозяйства должен господствовать принцип свободы (неограниченной конкуренции).

Французский мыслитель Ж. Бодэн обосновывал идею естественности частной и общественной собственности для преуспевания и безопасности граждан. Согласно учению Ж. Бодэна: 1) государственная власть, как власть общественная, не распространяется на область частной собственности; 2) сословия, общины и корпорации служат залогом развития нации, если их деятельность не вступает в противоречие с законом; 3) единственным средством для государства предупредить мятежи является изучение причин недовольства граждан и своевременное устранение этих причин [1, с. 125].

В октябре 1917 г., в результате Октябрьской революции, Советским государством была принята *социалистическая модель безопасности*, являвшейся во многом *принципиально иной моделью*, чем существовавшие до нее в Европе. В условиях принципиально новой политической и социально-экономической системы и соответствующей ей идеологии естественным образом возобладала идеология подчинении интересов личности интересам общества и государства. Доказательство такого сведения сводилось к следующему: поскольку государство теперь пролетарское, то, охраняя и защищая интересы и безопасность государства, мы тем самым надежно обеспечиваем интересы и безопасность трудящихся, подавляющего большинства населения. Любое покушение на интересы и безопасность революционного государства преследовалось, поэтому, гораздо более сурово, нежели аналогичные действия против личности [4-7].

В советский период термин «государственная безопасность» в 1936 году был официально включен в ст. 14 гл. 2 Конституции СССР и начал использоваться в документах и актах органов советского государства. Имеет смысл привести две модели безопасности — либеральную и социалистическую.

Либеральная модель безопасности состоит из следующих основных элементов: обеспечение безопасности личности является главной задачей государства; личность, ее права и свободы — высшая ценность государства; права личности имеют естественный, неотъемлемый характер и ограничивают власть государства; государство охраняет личность, ее жизненно важные интересы, выражающиеся в соблюдении ее прав как прав человека, но не вмешивается в дела гражданского общества; частная собственность является основой и гарантией безопасности личности; государство обеспечивает право на образование, творческое развитие личности и на академическую свободу личности.

Социалистическая модель безопасности сводилась к следующим основным положениям: безопасность общества и государства выше безопасностью личности; власть

государства всеобъемлюща и не ограничивается «естественными» правами человека; права «человека» (т.е. гражданина) осуществляются только в пределах права государства защищать свое общество и всех своих граждан любыми доступными средствами; вся имеющая к обществу в целом деятельность отдельных граждан должна контролироваться государством; реальная, экономически обеспеченная безопасность личности в осуществлении ею основных человеческих потребностей и способностей выше формально равной безопасности поразному обеспеченных граждан в осуществлении ими своих идеологических, политических и экономических потребностей и способностей; частная собственность как средства эксплуатации человека человеком в социалистическом обществе не допустима; идеология эксплуататорского общества в социалистическом обществе не допустима.

В Советском государстве в сферу государственной безопасности были включены и ситуации, возникающие в духовной жизни общества, связанные с реализацией прав граждан на создание объединений, союзов, с проведением в жизнь конституционного принципа свободы совести и т.д. Долгое время этим термином пользовались без какого-либо разъяснения его значения. И только в 50-е годы в юридической и специальной литературе стали предприниматься попытки проанализировать указанную проблему. Однако до недавнего времени изучение этих проблем не носило полномасштабного комплексного характера. Понятие «государственная безопасность» в период с начала 50-х до конца 80-х годов реально включало в себя три важных момента: 1) государственная безопасность понималась как состояние незыблемости советского государственного и общественного строя, нерушимости его целостности и независимости в определении внешней и внутренней политики; 2) государственная безопасность понималась как состояние защищенности от подрывной деятельности противника, государственная безопасность есть защищенность основ общественного и государственного строя Советского государства от посягательств со стороны враждебных социалистическому строю сил, осуществляющих подрывную деятельность; 3) понятие государственной безопасности раскрывалось через результат деятельности государственных органов, обеспечивающих советский общественный строй защиту от подрыва его врагами [7].

В настоящее время в Кыргызстане реализуется «либеральная» модель безопасности. В Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики, утвержденной указом Президента Кыргызской Республики от 13 июля 2001 года №221, национальная безопасность определяется как «создание и обеспечение условий для жизнедеятельности личности, общества и государства и их защита от воздействия внешних и внутренних угроз» [2, с. 308]. Такое понимание безопасности в целом верно, в том смысле, что защищенность всех личностей есть условие защищенности каждой личности и наоборот, что, не защищая общество в целом, нельзя защищать отдельные личности, а в цивилизованном обществе защитником самого общества и тех, кто его составляет, т.е. личностей, выступает государство, поэтому, не защитив государство, невозможно защитить и общество, и образующих его личностей, выступающих гражданами этого государства.

На основании приведенного рассмотрения важнейших дефиниций, описывающих духовную безопасность жизни человека, общества и государства, можно сделать вывод, что господствующий вид духовной безопасности является определяющим для развития (либо, наоборот, деградации) личности, общественных институтов и государственного строительства. Именно господствующая духовная безопасность формирует приоритеты воспитания и мировоззренческую парадигму системы образования.

Список литературы:

1. Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход. М.: РАН, 2010. 186 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
3. Возжеников А. В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России. М.: ЭДАС ПАК, 2000. 358 с.
4. Алексеева И. Ю., Авчаров И. В., Бедрицкий А. В. Информационные вызовы национальной и международной безопасности. М., 2001. 327 с.
5. Астахова Л. В. Информационно-психологическая безопасность в регионе: культурологический аспект // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2011. №2. С. 40-47.
6. Орунбеков Б. СМИ и информационная безопасность юга Кыргызстана // Проблемы национальной безопасности Кыргызстана. Бишкек, 2006. С. 130-143.
7. Багаутдинов А. М. Духовная культура российской молодежи: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-р филос. наук. Уфа, 2006. 43 с.

References:

1. Astakhova, L. V. (2010). *Informatsionnaya bezopasnost': germenevticheskii podkhod*. Moscow. (in Russian).
2. Berdyaev, N. A. (1990). *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Moscow. (in Russian).
3. Vozzhenikov, A. V. (2000). *Paradigma natsional'noi bezopasnosti reformiruyushcheisya Rossii*. Moscow. (in Russian).
4. Alekseeva, I. Yu., Avcharov, I. V., & Bedritskii, A. V. (2001). *Informatsionnye vyzovy natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti*. Moscow. (in Russian).
5. Astakhova, L. V. (2011). *Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' v regione: kul'turologicheskii aspekt*. *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informatsionnoi sfere*, (2), 40-47. (in Russian).
6. Orunbekov, B. (2006). *SMI i informatsionnaya bezopasnost' yuga Kyrgyzstana*. In *Problemy natsional'noi bezopasnosti Kyrgyzstana, Bishkek*, 130-143. (in Russian).
7. Bagautdinov, A. M. (2006). *Dukhovnaya kul'tura rossiiskoi molodezhi: Sotsial'no-filosofskii analiz: avtoref. dis. ... d-r filos. nauk*. Ufa. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 01.11.2024 г.*

*Принята к публикации
11.11.2024 г.*

Ссылка для цитирования:

Кедейбаева Ж. А., Маматова А. Б., Кубатбекова Н. К. Духовная безопасность как объект социально- философского анализа // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №12. С. 449-453. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/109/59>

Cite as (APA):

Kedeibaeva, Zh., Mamatova, A., & Kubatbekova, N. (2024). *Spiritual Security as an Object of Social-philosophical Analysis*. *Bulletin of Science and Practice*, 10(12), 449-453. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/109/59>